

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХДУ.

ІНВ. №

Воскресенье, 28-го Декабря 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ № 9573.

УКРАШАЛИ ЕЛКУ...

(Carte postale).

— Кто тамъ, Ванда?
— Барыня со второго этажа...
Элька смотрѣла на горничную съ изумлениемъ, не выпуская изъ правой руки воскового китайца, а изъ лѣвой—красной нитки.

— Барыня со второго этажа?..
Ты съ ума сошла?..

— Да ей-Богу же... уже раздѣлись... Говорятъ, имъ нужно видѣть васъ... спрашивали у меня, гдѣ дѣти и бонна...

— Ну?

— Я отвѣтила, что дѣти уѣхали къ бабушкѣ съ бонной... баринъ дѣлаетъ визиты, а вы украшаете елку... Они сказали—идите, доложите обо мнѣ...

Элька колебалась, потомъ сдѣлала гримасу.

— Хорошо... Впустите ее... И потушите электричество въ столовой... вѣдь, еще совсѣмъ рано... четыре часа...

— Это не я зажгла, а няня...

— И напрасно...

Маленькая, бѣлокурая женщина съ фарфоровымъ лицомъ старательно привѣшивала китайчика къ липкой колючей вѣткѣ. Она недоумѣвала и чуточку трусила. Что нужно этой странной дамѣ со второго этажа?.. Когда-то онѣ были знакомы „мелькомъ“... Потомъ Марія Касинская уѣхала заграницу... Теперь вернулась. Но кто же приходитъ по дѣлу на первый день Рождества? Марія увлекалась ея покойнымъ мужемъ, еще будучи на сценѣ... Послѣ нервнаго потрясенія Касинская потеряла голосъ... Кажется... Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываютъ... Элька качала головой... Покойный Стефанъ слылъ дикаремъ... Что она нашла въ немъ?

Въ сосѣдней комнатѣ шуршали юбки... глухо кашляли...

Она вошла, очень взъ волнованная... Дама со второго этажа... Молодая, изящная дама съ усталымъ лицомъ. На ней было черное платье, переходящее въ бѣлую пѣнку кружевъ около плечъ, брововая шляпа, большая муфта.

Элька порозовѣла и смотрѣла вопросительно.

Гостья сказала сквозь приступы кашля:

— Вы не сердитесь за то, что я безъ позволенія пришла къ вамъ. Вы, вѣроятно, уже забыли меня?

Элька отвѣтила банальностью и онѣ пожали другъ-другу руки. Потомъ хозяйка придвинула кресло и взяла клубокъ нитокъ.

— Садитесь, пожалуйста. Я вожусь съ елкой. Тороплюсь кончить. Ежегодно на первый день Рождества мы устраиваемъ это маленькое удовольствіе дѣтямъ.

Мысленно Элька рѣшила, что слухи о наружности Касинской сильно преувеличены. Хотя прійти непрошеной въ чужую квартиру, безъ сомнѣ-

Виолеемъ въ день праздника Рождества Христова.

ния, дико и неприлично, но она, Элька, слишкомъ благовоспитана, чтобы дать ей понять это.

Спросила преувеличенно любезно:

— Быть можетъ, пани имѣеть дѣло ко мнѣ? Я буду счастлива услужить...

— Нѣтъ... нѣтъ... никакого дѣла... Немного жутко въ пустыхъ комнатахъ...

Касинская продолжала кашлять. Она оглядывалась съ беспомощнымъ видомъ.

За окномъ шелъ влажный, густой снѣгъ и въ нарядной гостиной, гдѣ пахли туберозы и гіацинты, казалось темнѣе обыкновенного. Мохнатая, зеленая елочка, осыпанная серебристой пудрой, опоясанная золотыми гирляндами, со звѣздой и тоненькими матовыми, еще не зажженными свѣчами, вздрагивала подъ ловкими руками Эльки. Возлѣ въ корзинахъ лежали вороха игрушекъ, пряниковъ, конфектъ, цѣлые груды яблокъ, горы хлопушекъ, фонариковъ, куклы, паяцы, вся праздничная, блестящая, пестрая, яркая, самодовольная мишуря. И къ мохнатому деревцу въ серебряной пудрѣ, къ мягкимъ тонамъ элегантной гостиной, къ блѣдному свѣту сквозь кружево гардинъ, къ сладкому душистому аромату цвѣтовъ, яблокъ, конфектъ, такъ шло безмятежное фарфоровое лицо Эльки. Она напоминала сама большую, дорогую куклу, великколѣпную бездѣлушку моднаго магазина. И въ тысячный разъ Марія по-

думала: „Такъ вотъ кого любилъ онъ?“

Элька спрашивала, посасывая укотые пальцы.

— Не находите ли вы, что херувимъ виситъ криво?

— Нѣтъ... совсѣмъ хорошо.

— Думаю помѣстить надъnimъ этого голубка...

— Великолѣпно...

— Ахъ, сколько всегда хлопотъ съ елкой.

На поблѣднѣвшемъ лицѣ Касинской отразилась борьба. Она пробормотала, волнуясь, стягивая и натягивая перчатку:

— Пани Элиза, я знаю, съ моей стороны было безуміемъ прийти къ вамъ, но... есть чувство сильнѣе гордости... Если я виновата, то немногого заслуживаю прощенія... Въ продолженіи трехъ лѣтъ я жила во второмъ этажѣ, вы въ нижнемъ... Я знала, какъ Стефанъ любилъ васъ и какъ вы были счастливы... Помните, раза три-четыре мы встрѣчались... Я еще тогда пѣла... О, мнѣ кажется съ того времени прошла вѣчность... Вы не ревновали меня... нѣтъ, ничуть, но вы смыялись надо-мною... Много смыялись... Потомъ Стефанъ умеръ... Какой кошмаръ!.. Я уѣхала... Теперь вернулась... На старое пепелище... Вы здѣсь по-прежнему... Вы снова замужемъ... у васъ дѣти... Вы снова счастливы... Ахъ, я не завидую вамъ, Элька... Я только говорю... Я пришла къ вамъ, чтобы

Виёлеемская звезды.
Картина Франца Жмура.

«Всё они следуют за звездой».
Картина П. Янсена.

еще разъ, послѣдний, увидѣть обстановку, въ которой онъ жилъ... Видите, я его такъ любила „больше жизни“... Она задохнулась, а хорошенъкая женщина съ голубыми, наивными глазами недоумѣвала. Наконецъ, пробормотала, роясь въ картонажахъ:

— Мнѣ очень жаль васъ, дорогая... Это хорошо, что вы откровенны... Я понимаю васъ, но... половину вещей Стефана я уже продала... Мой второй мужъ обладаетъ лучшими средствами и большими вкусомъ... О, нѣтъ никакого сравненія...

Элька надула губки и, чуточку недовольная, пересчитывала недостатки покойнаго... Стефанъ былъ человѣкъ, съ

которымъ тяжело жилось... Она готова поклясться... Всегда грустный... всегда болѣйшей практичности... Она съ нимъ нуждалась... Grâce à Dieu, тогда у нея не было дѣтей...

Пани Марія идеализируетъ его, безъ сомнѣнія... Передъ смертью онъ чуть не свелъ въ могилу и ее, Эльку... Богъ мой, все кажется заманчивымъ издали... Какъ это странно, что пани Марія мучаетъ себя понапрасно... Въ сущности, такіе люди, какъ Стефанъ, ни къ чему не пригодны... По крайней мѣрѣ, ея второй мужъ Здѣсь утверждаетъ это.

Потомъ она восхитилась настоящимъ... Она счастлива до безумія, до невѣроятія. Здѣсь—человѣкъ положи-

тельный... Съ нимъ она не боится умереть въ нищетѣ... Онъ капельку строгъ... Держитъ ее вѣтъ какъ... Ого... Но, что дѣлать?

Женщина должна подчиниться..."

И перебила самое себя, разсыпавъ конфеты изъ плюшеваго мѣшечка:

— Ай... батюшки мой, какая я не-ловкая!

Марія улыбалась блѣдными, вздергивающими губами, глядя, какъ бѣлокурая женщина съ фарфоровымъ лицомъ опустилась на колѣни, чтобы бережно поднять лакомства.

— Шоколадныя бомбы... Ужасно вкусно... Хотите? Почему вы церемони-тесь? Нѣтъ желанія? А я большая ла-

комка. Какъ можно отказаться отъ шоколадныхъ бомбъ?... Я всегда имѣю много сладкаго... Я даже и ночью иногдаѣмъ... Здѣсь сердится... О чёмъ вы задумались?

— Пустое... Мнѣ что-то не весело. Конфеты были положены обратно и качались рядомъ съ бѣлымъ медвѣдемъ.

— Нужно принимать жизнь, какъ она есть, дорогая... Вы еще такъ молоды... Отчего вы не выходите замужъ? Уфъ... Я начинала уставать.

— Вы сказали... мнѣ показалось... онъ очень мучился передъ смертью... отозвалась Касинская. Она разгорѣлась и выпрямилась.

— Кто? Стефанъ?... Да, конечно... Сильно бредиль... А, знаете, я боюсь привѣтствовать эту куклу... А, вдругъ, разобьется...

— Да... да... лучше оставить на столѣ... Скажите, пани, онъ узнавалъ окружающихъ?

— Превосходно... Онъ умиралъ сознательно... Онъ меня звалъ, но я побоялась подойти, bien entendu... Это такъ страшно, агонія!... Я-нервная... Ну, вотъ... посмѣйтъ сказать, что мой пастушокъ не очарователенъ...

— Очарователенъ, пани...

— Еще бы... вы думаете она намъ стоить дешево, эта елка?...

— Что вы...

Касинская встала. Она дрожащими

мой, какъ всѣ грустно въ этомъ мѣрѣ...

А бѣлокурая фарфоровая женщина, которая ничего не замѣчала и ничего не понимала, протянула ей яблоко.

— Скушайте, миличка. Право же это очень хороший сортъ яблокъ... И самый дорогой.

Анна Марь.

ВЪ НОЧЬ ПОДЪ РОЖДЕСТВО.

Этотъ...

Холодный, безпріютный край... Тамъ, гдѣ природа сохранила всю свою неприкосновенность творчества, гдѣ безграничныя, глухія степи, непрходимыя, лишенныя свѣта тайги и одиночество, самое затаенное, самое жуткое одиночество.

Тамъ море, замкнутое узломъ угрюмыхъ, посѣдѣвшихъ горъ, суровое и одичалое, какъ старый одинокий грѣшникъ, полно таинственныхъ загадокъ и святотатственныхъ сказаний.

И люди тамъ вѣчно угрюмы и молчаливы, какъ и природа. Ихъ загорѣлые лица отъ знойныхъ морозовъ рѣдко бываютъ согрѣты улыбкою радости. Тамъ человѣкъ въ постоянной враждѣ съ неумолимой судьбою. Бывало колдники пѣсню затянутъ, шагая по пыльному тракту, или бѣглецъ запоетъ, почувствъвъ просторъ величавый, звуки, какъ слезы свинцовыя, падають въ землю безмолвно, тоскливо.

О. Иоаннъ Сергиевъ
(Кронштадтскій).
Скончался 20 декабря, утромъ.

Со звѣздой».
Рисунокъ И. Бодянского.

руками взяла статуэтку императора Наполеона съ каминомъ.

— Не правда-ли... она стояла, въ кабинетѣ Стефана?

— Что?... А... Наполеонъ... да... какая у васъ хорошая память... да...

Статуэтка казалась тяжелой для ослабѣвшихъ пальцевъ... Марія кос-

нулась губами холодной бронзы: „быть можетъ, его рука трогала эту вещь?“

— Не зажечь-ли электричество?...

спросила Элька, роняя ножницы, я укололась до крови.

Ей было трудно отвѣтить, т. к. она плакала не слышно, не сводя глазъ съ летящихъ спѣхинокъ. Боже мой, Боже

А сколько тамъ пѣсень задушено? Сколько растрѣлено слез?!

Въ глухую, морозную ночь, подъ Рождество Зенонъ-Калита, такъ звали ссыльного студента, сидѣлъ въ одиночномъ заброшенной хатѣ, пріютившися по берегу моря, и молча, угрюмо переживалъ далекія воспоминанія.

Канунъ Рождества. Гудятъ колокола церквей и возвѣщаются близкую радость. Весь городъ и сады, и даже небо дрожитъ огненной пылью сплетающихся фонарей, и въ окнахъ цѣлые фонтаны свѣта. Какая-то волшебная рука на мѣстѣ прежнихъ скучныхъ улицъ поставила одну большую огненную елку, и люди взрослые, съ серьезнымъ видомъ и усталою походкою, стали веселыми, наивными дѣтьми и закружились вокругъ елки... Крикъ, разговоры, смѣхъ... И на душѣ свѣтло, какъ въ ярко освѣщенномъ храмѣ.

Съ моря подулъ суровый Баргузинъ и истерично зарыдалъ надъ окнами убогой хаты. Байкалъ еще не замерзъ^{*}. Онъ грузно шлепался о берегъ тяжелыми смороженными волнами, какъ будто все ловилъ кого-то своими блѣдными когтями и, озлобленный неудачей, все больше и грознѣе злился.

Зенона сидѣлъ, какъ изваянnyй, неподвижно уставившись въ дрожащее пламя свѣчи. Его воспоминанія росли, смѣнялись лица, обстановки, лѣпились новыя, еще болѣе миражныя картины.

Онъ заглянулъ въ знакомый домъ.

Большая комната. Вся устлана коврами... и всѣхъ онъ знаетъ... все друзья. Одинъ устало протянулся по полу, а трое остальныхъ сидятъ, поджавши ноги, на диванѣ и громко спорятъ. Горитъ огонь, но странно какъ то онъ мигаетъ, и потому у всѣхъ у нихъ глаза какъ будто по командѣ то закрываются, то снова прозрѣваютъ.

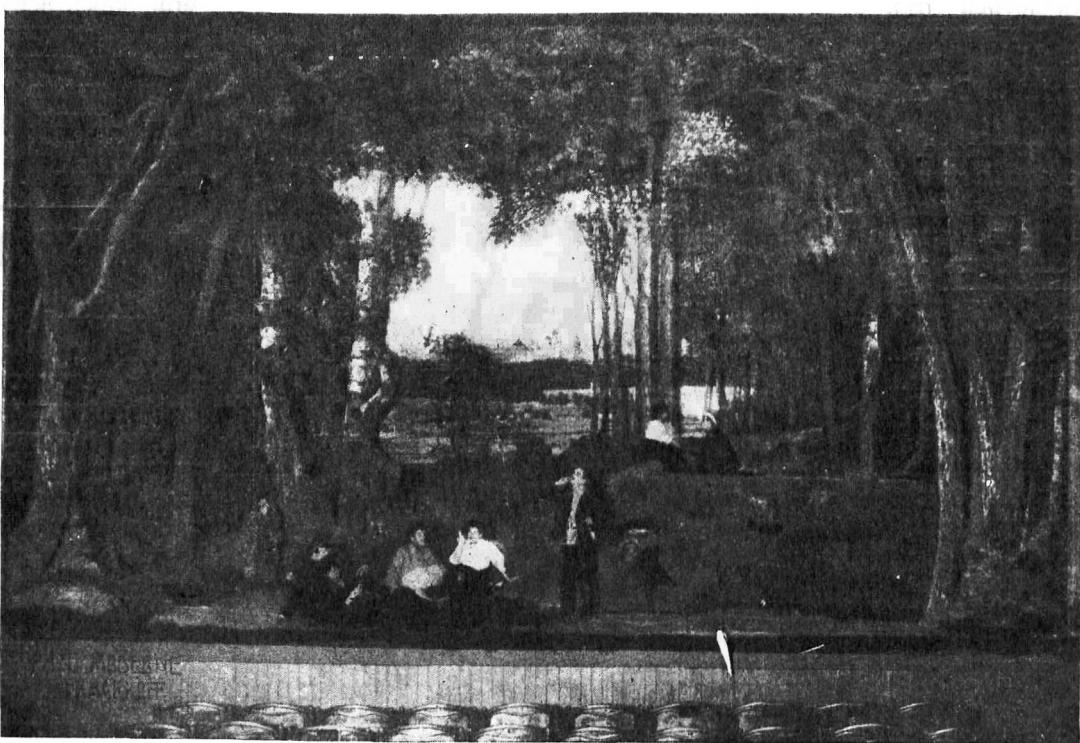
— Теперь поѣхать бы туда—въ страну вѣчного солнца, говоритъ одинъ изъ нихъ, тепло, цветы цветутъ, и Ниль, какъ зачарованная му-

* Байкалъ становится между 20-ми числами декабря и Новыми годами.

Сцена 1-го акта „Дни нашей жизни“,

въ харьковскомъ драматическомъ театре.

(Со снимка фотографии „Moderne“).

Картина В. Б. Аленъ. За эту картину художникъ командированъ академію заграницу.

зыкой змѣя, еле ползетъ по желтому песку.

— Есть еще большая на свѣтѣ радость, говоритъ другой, когда и радуешься, и страдаешь не одинъ, а вмѣстѣ съ сотнями людей... За нихъ и за себя и радуешься, и болѣешь, въ сотни разъ страшнѣй и глубже въ сотни разъ...

— Подальше отъ людей, басить товарищъ, лежащий на полу, какъ нѣкогда ушелъ великий Заратустра.

— Но не забудь, возражаетъ втормъ, что, вѣдь, и тамъ, и на вершинѣ крупнаго величия есть чувство одиночества, тоска величия.

Вдругъ что-то стукнуло снаружи, задребезжало стекла, и Калита очнулся. Онъ оглядѣлъ углы своей убогой комнатенки; взглянуль въ окно.

Какая-то тяжелая завѣса упала между нимъ и яркой жизнью. Упали силы, и одиночество еще больнѣй сдавило грудь. Онъ затушилъ свѣтъ

и прислонилъ горячій лобъ къ оконному стеклу... и на душѣ стало еще темнѣе.

Сквозь черный, посѣнѣвій сумракъ неистово гонялись волны моря, вставали на дыбы, стонали, снова гнались въ путь... ревѣли волны. Эй, Баргузинъ, пошевеливай валъ!. Слышались грома раскаты. Густой туманъ метался надъ водою, какъ бѣлый саванъ мертвѣца, захваченный порывомъ бури, и заслонялъ союю горизонтъ...

Въ глазахъ Зенона еще долго бѣгали то желтыя, то голубые кольца свѣта, лѣпились другъ на друга и потухали гдѣ-то далеко за вѣками. Привычный шумъ въ немъ не будилъ ни чувства страха, ни любопытства, и, незамѣтно для себя, онъ погрузился въ сонъ, склонивши голову на подоконникъ.

Тамъ, гдѣ непроходимая, безъ свѣта тай-

ги; гдѣ море вѣчно одинокое, какъ нераскянный палачъ, полно загадочныхъ чудесъ, тамъ все: и воздухъ, и просторъ степей, и крики чаекъ, и шелестъ волнъ, тамъ все отправлено дыханіемъ тоски и мертвыхъ, безотвѣтныхъ криковъ жизни.

В. Блосъ.